

Глава 8

Истошный крик оператора мгновенно вырвал Нань Цзиня из сна. Он быстро набросил куртку, нащупал под подушкой ножницы и нож для фруктов и распахнул дверь.

Юй Аньянь тоже вышел в коридор. Лицо режиссера было мрачным.

— Что с Сяо Чэнем? — спросил он. — Что значит «исчез»?

Оператор дрожал мелкой дрожью, его губы посинели от страха.

— Сами посмотрите... Пойдемте в его комнату, и всё поймете!

Когда они добрались до крошечной каморки Сяо Чэня, у дверей уже стоял Ли Ифэй. Его руки ходили ходуном, пока он пытался прикурить сигарету.

Небольшая каморка Сяо Чэня напоминала место жестокой расправы. Пол и стены от кровати до самого окна были залиты подсохшей бурой кровью. Белая простыня насквозь пропиталась багровой жидкостью, а вокруг темнели тяжелые, липкие брызги.

Тяжелее всего было смотреть на широкую, смазанную полосу, которая тянулась от кровати к окну. Сяо Чэня явно тащили силой. О том, что произошло с ним дальше, никто думать не хотел.

Нань Цзин, поправив на плече рюкзак, внимательно осматривал комнату. Остановив взгляд на пороге, он ровным голосом произнес:

— Свеча погасла.

Мужчины вздрогнули и разом посмотрели на порог. Красная свеча у двери Сяо Чэня действительно погасла, не оставив после себя даже тлеющего огонька.

Оператор в ужасе отшатнулся на пару шагов. Однако, заметив абсолютное спокойствие на лице Нань Цзиня и холод в его глазах, он вспылал:

— Нань Цзин, ты вообще человек?! Сяо Чэнь только что погиб, а у тебя на лице ни тени жалости! Как ты можешь оставаться таким спокойным?

Нань Цзин окинул оператора ледяным взглядом:

— Прошлой ночью ко мне приходил призрак женщины в белом. Тогда же я заметил, что свечу у моей двери поменяли местами со свечой Сяо Чэня.

Юй Аньянь, осматривавший простыни, на мгновение замер. Он медленно повернул голову к Нань Цзиню. Встретил призрака? С самого въезда в эту проклятую деревню Нань Цзин упрямо рушил все его привычные представления о жизни. Режиссер прищурился, его темные глаза опасно блеснули.

Оператор запнулся, не в силах сразу переварить обрушившуюся на него информацию.

— Но, как видно, это все равно не помогло, — безучастно обронил Нань Цзин, глядя на почерневший фитиль.

Стоило свече погаснуть — неважно, случайно или нет, — как ее хозяин становился легкой добычей.

— Блядь, сука... — глухо забормотал Ли Ифэй, пятясь к выходу. — Эта проклятая глухомань нас всех в землю закопает!

Он — звезда с миллионами фанатов! Если бы режиссер Юй не уперся с этими съемками в глуши, разве они оказались бы в такой ловушке? А тут еще этот Нань Цзин со своими бреднями про то, что нельзя тревожить местных! Ну и где теперь их хваленый план?

Помощник хотя бы мог прикрыть его в случае чего, а теперь этот дурак мертв. Почему в первую же ночь сожрали Сяо Чэня, а не этого высокомерного ублюдка?

Мысли метались в голове Ли Ифэя, подпитываемые паникой и злостью. Он уставился на Нань Цзиня с бешеной ненавистью. Внезапно его осенило. Он резко вскинул голову:

— Слышь, ты сказал, что поменял свечи. Значит, у Сяо Чэня стояла твоя. И она сгорела! Но если у тебя самого под дверью было пусто, какого черта ты еще дышишь?!

— Это ведь твоих рук дело, да?! — Его голос сорвался на истошный, визгливый крик. — Нань Цзин! Это ты, сука, заманил нас сюда! Ты и прирезал Сяо Чэня!

Одуревший от страха Ли Ифэй, от которого разило табачным перегаром, шагнул вперед и замахнулся, намереваясь схватить Нань Цзиня за грудки.

Но не успели его пальцы коснуться одежды, как Нань Цзин молниеносным движением перехватил запястье Ли Ифэя, заломил ему руку и швырнул назад. Сделав шаг вперед, он впился ледяным взглядом светлых глаз прямо в бледное лицо актера:

— Хотел бы я твоей смерти — ты бы сдох еще до того, как мы перешагнули порог этой деревни.

Снова оказавшись бессильным против чужой хватки, Ли Ифэй тяжело задышал. Старые обиды

и свежий ужас слились в ядовитый коктейль.

— Да пошел ты! С меня хватит! — заорал он, брызжа слюной. — Какого хрена ты тут строишь из себя самого умного и командуешь нами, сучий потрох?! — Его глаза выкатились из орбит, и он снова ринулся вперед. — Один хрен подыхать! Я убью тебя, тварь!

Юй Аньянь, как раз закончивший осматривать кровать, сделал быстрый шаг вперед. Перехватив из левой руки Нань Цзиня длинные ножницы, он резким движением полоснул острием по замахнувшейся руке актера. Ли Ифэй взвыл от боли и отпрянул на несколько шагов, прижимая порез к груди.

Юй Аньянь подошел вплотную, глядя на него тяжелым, холодным взглядом:

— Ли Ифэй, мне плевать, на кого ты привык лаять за пределами площадки. Но здесь ты будешь сидеть тихо и делать то, что тебе говорят. Не смей бросаться на людей как бешеная собака. Ты сам сказал — ситуация дерьмовая. Так что и методы воспитания у меня теперь будут соответствующие.

Глаза режиссера недобро блеснули:

— Извинись перед Нань Цзином. Сейчас же.

Зажимая порез, Ли Ифэй наткнулся на ледяной, высокомерный взгляд Юй Аньяня и окрасившиеся красным ножницы в его пальцах. Спесь с него мигом слетела. Сжавшись, он выдавил сквозь зубы, исказив лицо в гримасе:

— Прости.

Юй Аньянь сжал пальцы на кольцах ножниц, окинул брезгливым взглядом притихшего актера и побледневшего оператора, после чего сухо приказал:

— Возвращаемся. Надо отсмотреть записи с камер и выяснить, что ночью произошло с Сяо Чэнем.

Всечетверо перебрались в комнату Нань Цзиня.

Устроившись перед монитором, юноша первым делом вывел на экран запись собственного ночного дежурства. Даже на ускоренной перемотке появление бледного силуэта в белом заставило оператора и Ли Ифэя судорожно вздрогнуть. Слова застряли у них в горле.

Когда женщина в белом скользнула внутрь комнаты, Юй Аньянь на секунду прикрыл глаза. В этой дыре действительно правила бал нечисть. Справившись с эмоциями, он негромко спросил:

— Ты как? Цел?

Нань Цзин покачал головой, лицо его оставалось серьезным:

— Да. Я успел зажечь ту красную свечу, что лежала под алтарным столом. Похоже, тварь в белом боится этого огня.

Разобравшись с этим происшествием, Нань Цзин перемотал запись на два часа двадцать три минуты ночи — время, когда он сам лег спать, а Сяо Чэнь еще мирно дремал у себя.

Юй Аньянь включил ускоренное воспроизведение. Долгое время картинка оставалась статичной, но ровно в пять ноль шесть утра кадр на секунду завис, а затем на экране появилось нечто неописуемо жуткое.

В тесной комнатухе буквально из воздуха соткался старик, чье лицо покрывали уродливые черные пятна. Видео шло рывками, и при каждом скачке кадров жуткий гость оказывался все ближе к кровати ассистента. Спустя двадцать секунд существо уже висело вниз головой прямо под потолком, нависая над Сяо Чэнем.

Сяо Чэнь безмятежно спал, даже не подозревая, что прямо перед его лицом раскачивается изуродованная голова чудовища. Тварь цеплялась ступнями за потолок, а из ее приоткрытого рта непрерывно сочилась темная кровь.

Несколько капель упали парню на лицо. Тот недовольно поморщился, утерся рукой и лениво повернулся на бок. Лишь через пару секунд до него дошло, что происходит, и он резко распахнул глаза. Но закричать не успел: костлявые, покрытые черными язвами руки мертвеца намертво зажали ему рот, оборвав хрип на самом вздохе.

Экран зарыбил и погас. Спустя десять секунд изображение вернулось, но кровать была пуста — Сяо Чэнь бесследно исчез, оставив после себя лишь густую лужу крови.

Выходит, тварей здесь как минимум две!

Оператор, замерший за спиной Нань Цзиня, не мог оторвать взгляда от монитора. Задрожав всем телом, он попытался вытащить из пачки сигарету. Пальцы не слушались, и он никак не мог свести дрожащий огонек зажигалки с кончиком сигареты.

— Ре-режиссер Юй... — стуча зубами, пролепетал он севшим голосом. — Этот старик... это же тот сумасшедший дед, который гнался за нашей машиной на дороге!

Ли Ифэй грязно выругался и завел унылую, злобную тираду, но на его бормотание никто не обратил внимания.

За окном снова заморосил мелкий, холодный дождь.

Нань Цзин закинул за спину черный рюкзак и вышел на крыльцо старого святилища. Они решили ненадолго покинуть деревню — не для того, чтобы сбежать, а ради поисков еды.

С самого приезда никто из них ничего не ел. В салоне машины оставались запасы сухпайков, а сколько им придется торчать в этой чертовой ловушке, никто не знал. Прикасаться к местной пище было смертельно опасно, так что оставался один выход: добраться до фургона.

Конечно, Ли Ифэй и оператор лелеяли глупую надежду убраться отсюда насовсем, но Нань Цзин подозревал, что проклятое место их не отпустит.

Волосы Нань Цзиня и крупная вязка его черного свитера быстро покрылись влажной пылью. Он хмуро оглядел безмолвные дворы.

Несмотря на разгар дня, в деревне Одинокого Дракона не было видно ни души. Далекие горные пики, окутанные дымкой, вздымались к небу угольно-черными хребтами, напоминая затаившихся чудовищ, готовых в любой момент сомкнуть челюсти над деревней Одинокого Дракона.

Юй Аньянь тоже взял с собой лишь небольшой рюкзак. Влажная ткань рубашки облепила его широкие плечи, подчеркивая прямую, статную фигуру. Позади уныло брели прикрывшийся зонтом Ли Ифэй и бледный, как полотно, оператор.

Нань Цзин обратил внимание, что режиссер даже не пытается укрыться от дождя.

Еще на студии он слышал, что Юй Аньянь органически не переносит зонты. Поговаривали, его неприязнь граничила с причудой: в Столичном граде во время ливней он передвигался исключительно на машине, паркуясь вплотную к дверям. Сейчас Нань Цзин впервые видел это странное упорство своими глазами.

— Пошли, — негромко бросил Юй Аньянь, ровняясь с юношей.

Нань Цзин раскрыл свой зонт, но мужчина так и остался шагать снаружи. Он шел молча, подставляя лицо холодной измороси, которая оседала каплями на его темных ресницах и стекала по прядям черных волос.

Лицо Юй Аньяня хранило привычную маску холодного высокомерия. Его темные глаза были полуприкрыты, а влажная красная родинка у внешнего уголка правого глаза выделялась яркой точкой на бледной коже. Несмотря на высокий рост и внутреннюю силу, в его фигуре под монотонным стуком дождевых капель сквозило странное, почти болезненное одиночество.

Казалось, он существует где-то за пределами этого мира, оставаясь бесконечно чужим всему

живому.

Дорога к выезду из деревни оказалась подозрительно спокойной. Им никто не препятствовал, и вскоре под ногами зашуршал мокрый асфальт серпантина. Никаких аномалий пока не наблюдалось.

Едва ступив на шоссе, Ли Ифэй и оператор заметно приободрились. Если их никто не задерживал, значит, шанс вернуться к нормальной жизни все-таки оставался.

Однако Нань Цзин и Юй Аньянь, пережившие ночные визиты мертвецов, расслабляться не спешили.

Минут через десять, обогнув крутой поворот, оператор заметил впереди знакомый силуэт. Приглядевшись, он узнал их старый фургон. Накануне, поддавшись панике, он бросил машину прямо у обочины, у самого края глинистого откоса, заросшего густым кустарником.

— Надо же, — пробормотал оператор с облегчением. — Мы, оказывается, бросили ее совсем близко от деревни Одинокого Дракона. Все коробки с продуктами лежат на заднем сиденье.

— Я помню, куда ты их засунул, я сам! — тут же оживился Ли Ифэй.

Не дожидаясь остальных, он припустил вперед. Им двигал шкурный интерес: если добраться до припасов первым, можно успеть припрятать шоколад и калорийные батончики для себя любимого, чтобы этому нищему ублюдку Нань Цзиню ничего не досталось. В несколько прыжков очутившись у фургона, он рванул на себя боковую дверь и жадно заглянул в салон.

Поставив одну ногу на подножку фургона и балансируя на грязной обочине, Ли Ифэй потянулся к заветному черному пакету. Но стоило его пальцам ухватиться за ручки, как он случайно поднял взгляд.

Прямо перед ним находилось окоченевшее, серо-синее лицо. Кожа на левой щеке была содрана и искромсана зубами, а выпученные, налитые кровью глаза смотрели на него в упор.

— А-а-а-а! — истошно заверещал Ли Ифэй.

Он навзничь повалился на землю и, дико суча ногами по грязи, пополз прочь от машины. Пакеты с едой рассыпались по мокрой траве, но ему было плевать. Дрожащим пальцем он указывал на глубину салона, судорожно хватая ртом воздух, но из его горла не доносилось ни звука.

Нань Цзин хладнокровно прошел мимо бьющегося в истерике актера и направился к багажнику.

Юй Аньянь последовал за ним.

Стоило распахнуть заднюю дверь, как им в лицо ударил тяжелый, сладковатый запах свежей крови. Весь дорогой съемочный инвентарь исчез, а на его месте, нелепо скособочившись, лежало человеческое тело. Голова покойника застряла в щели между спинкой сиденья и бортом машины.

Нань Цзин прищурился, вглядываясь в полумрак. Выждав секунду, он протянул руку и осторожно коснулся плеча мертвеца.

Тело держалось на честном слове. От легкого толчка оно соскользнуло вниз и перевернулось навзничь. Прямо на них остекленевшим взглядом смотрел Сяо Чэнь. На его лице застыла маска немого ужаса.

Нань Цзин прижал пальцы к сонной артерии парня — пульс отсутствовал.

Вся левая часть лица несчастного была обглодана до костей, а по всему телу темнели глубокие рваные раны от чьих-то зубов.

Но страшнее всего было другое: форменная рубашка Сяо Чэня была разорвана на груди. От самого подбородка до мечевидного отростка тянулись идеально ровные, словно сделанные скальпелем, линии надрезов. Кожа в этих границах была аккуратно отделена от плоти и снята, обнажая багровые мышцы. Кто-то снял с него лоскут кожи, пока он был еще жив.

<http://bllate.org/book/19041/1917549>